

Глубокой зимой температура опустилась до предела.

Стоило выплеснуть воду, как она превращалась в лед, не успев долететь до земли. Если человек проводил на улице хотя бы четверть часа, его брови и борода покрывались инеем. Перед тем как выйти из дома, Лу Чэнь кутался как мог: надевал кожаный халат, кожаные штаны, сапоги, меховую шапку — всё, что только находил, но холод всё равно пробирал до костей. Бай Лан говорил, что никогда не видывал такой суровой зимы. Лу Чэнь признавался, что и на рудниках с подобным не сталкивался. Те Я уверял, что таких морозов не случалось уже лет пятьдесят.

Еды и мяса хватало, а вот дрова были на исходе. Жители лагеря каждый день отправлялись в лес, и принесенные ими охапки копились у порогов домов, напоминая небольшие холмы. Лу Чэнь тоже ходил рубить лес: он был силен и справлялся быстрее других. За день он успевал заготовить больше десятка связок, которых ему самому хватало на несколько дней. Бай Лан ходил вместе с ним: они отправлялись в путь еще до рассвета, а возвращались, когда уже темнело.

Их руки были покрыты обморожениями, кожа трескалась, сочилась кровь. Бай Шуан заставляла их мазать руки целебной мазью, но толку было мало — на следующий день раны открывались снова. Глядя на их руки, Бай Шуан хмурилась.

— Наступит весна, и всё заживет, — говорил Бай Лан.

Лу Чэнь спрашивал, скоро ли весна, и Бай Лан отвечал, что через два месяца. Лу Чэнь смотрел на свои потрескавшиеся тыльные стороны ладоней, где кровь, сочась из разрывов, быстро застывала на холодном воздухе темно-красной коркой. Он перебинтовывал их полосками ткани, надевал рукавицы и продолжал рубить дрова.

Так, день за днем, проходила зима. Рубка дров, еда, сон, редкие прогулки. В домике Бай Лянь сквозило, и Лу Чэнь дважды помогал ей с починкой. В первый раз он заделал щель в северной стене соломенным матом, во второй — повесил у входа плотную занавеску. Бай Лянь стояла рядом с ребенком на руках и наблюдала за его работой. Младенец был закутан в пеленки, наружу выглядывали лишь черные блестящие глазки, неотрывно следящие за Лу Чэнем.

— Как его зовут? — спросил Лу Чэнь.

— Еще не дала имя, — ответила Бай Лянь. — Жду, когда отец вернется.

Лу Чэнь не стал расспрашивать дальше. Он прибил последнюю доску и спрыгнул с крыши.

— Готово. Больше дуть не будет.

— Спасибо тебе, — сказала Бай Лянь.

— Не стоит благодарности.

Лу Чэнь отряхнул одежду от пыли и бросил взгляд на ребенка. Тот всё еще смотрел на него, не мигая. Лу Чэнь протянул руку и кончиком пальца коснулся его щеки. Кожа была нежной и

мягкой, как только что приготовленный тофу. Испугавшись, что может навредить малышу, он тут же отдернул палец.

— Ты ему нравишься, — заметила Бай Лянь.

— Он ко всем так, — ответил Лу Чэнь.

— Нет, — покачала головой Бай Лянь. — Он никому не дается. Чуть кто прикоснется — сразу кричит. А на тебя — нет.

Лу Чэнь снова взглянул на ребенка. Тот уже перестал смотреть на него и, уставившись на воротник платья матери, искал грудь. Глядя на это личико, Лу Чэнь ощутил что-то невыразимое внутри. Он вспомнил свое детство и задался вопросом: держал ли его кто-то так же, смотрел ли на него так же? Может быть, да, а может, и нет. Он не помнил.

Он развернулся и ушел.

Здоровье Те Я за эту зиму сильно пошатнулось. Он страшно кашлял, тяжело дышал при ходьбе, а порой вынужден был останавливаться и опираться о стену, чтобы перевести дух. Лу Чэнь навещал его каждый день: приносил горячую воду, помогал убираться. Поначалу Те Я отказывался, говорил, что не нужно беспокоиться, но потом перестал. Когда приходил Лу Чэнь, старик просто сидел в углу и наблюдал, как тот хлопочет по хозяйству.

— Те Я, тебе нужно больше отдыхать, — говорил Лу Чэнь.

— Отдыхать? Я ведь не умираю, — голос Те Я был хриплым, в горле клокотала мокрота.

— Ты так сильно кашляешь, позови кого-нибудь из Народа Древесных Духов, пусть посмотрят.

— Смотрели. Не лечится, — Те Я прислонился к стене и закрыл глаза. — Старость. Тело сдало. Когда придет время уходить, значит, так тому и быть.

Лу Чэнь отложил метлу и присел на край кровати.

— Те Я, не говори так.

— Я говорю правду, — Те Я открыл глаза и посмотрел на балки под потолком. — Я прожил долгую жизнь, этого достаточно. Куда дольше, чем многие другие.

Лу Чэнь промолчал. Он собрал грязные вещи Те Я в мешок и понес их к ручью стирать. Вода была ледяной, пальцы пронзала острая боль, как только он опускал их в поток. Стиснув зубы, он тер ткань, пока пальцы не онемели, после чего выкрутил одежду и развесил сушиться в доме. Те Я молча наблюдал за этим.

Вечером, вернувшись в свою хижину, Лу Чэнь сел у очага греться. Пришел Бай Лан, принес кувшин горячего вина. Они пили, долго храня молчание.

— Те Я совсем плох, — сказал Бай Лан.

— Я знаю, — ответил Лу Чэнь.

— Если он уйдет, некому будет присматривать за зернохранилищем.

— Я буду присматривать.

Бай Лан взглянул на него:

— Ты ведь не из Клана Волков.

— Пока Те Я был рядом, он никогда не считал меня чужим. Если он уйдет, я не смогу считать себя посторонним, — Лу Чэнь допил вино и поднялся. — Пойду провожаю его.

В доме Те Я горел свет. Лу Чэнь толкнул дверь: старик лежал на кровати, укрывшись старым меховым халатом, глаза были закрыты. Лу Чэнь сел на табурет у постели, не решаясь его окликнуть. Спустя некоторое время Те Я подал голос:

— Опять пришел?

— Да.

— Зачем?

— Проведать тебя.

— И что тут разглядывать? — Те Я открыл глаза и посмотрел на него. — Ты опять похудел. Ешь больше.

— Я ем.

— Этого мало. Ты в том возрасте, когда тело растет. Если не будешь хорошо питаться, вырастешь низким.

Лу Чэнь усмехнулся:

— Я уже достаточно высокий.

— Недостаточно. Женщины Клана Волков и то выше тебя, как ты потом жену себе найдешь?

Лу Чэнь опешил:

— Я об этом не думал.

— Подумай сейчас, — сказал Те Я. — Пока я еще жив, помогу тебе присмотреть невесту.

Лу Чэнь опустил голову, глядя на свои руки. Обморожения покрылись корочками, черно-красными, грубыми.

— Те Я.

— Что?

— Ты будешь жить еще долго.

Те Я не ответил и закрыл глаза. Лу Чэнь сидел там, пока не услышал, что дыхание старика стало ровным, а затем тихо, на цыпочках, вышел.

Снег на улице прекратился, из-за облаков показалась луна. Свет заливал заснеженную землю, ослепляя своей белизной. Лу Чэнь шел обратно, снег скрипел под ногами, а за спиной тянулась извилистая цепочка следов. Он вспоминал слова Те Я: Пока я еще жив, помогу тебе присмотреть.

Он сунул руку в карман и коснулся оберега, который дал ему старик Ли. Медное кольцо сохранило тепло его тела, приятно грея ладонь.

— Старик Ли, — мысленно произнес он, — мне здесь неплохо. Ко мне относятся по-доброму. Не волнуйся.

Подул ветер, стряхивая с деревьев снег. Он зашуршал, словно отвечая ему.

<http://bllate.org/book/22378/2347709>